

*Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.
А прежде... помнишь? молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!
Так солнце осени — без туч
Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...*
(«Как ты кротка, как ты послушна...»)

Некрасову-поэту при создании «страниц любви» было труднее, чем многим из его современников. В XIX в. ещё сильна была романтическая традиция. Некрасов же насыщал свои стихи реальными событиями, бытовыми деталями. Предметом его произведений стала проза жизни. Поэт изображал в них то, чего избегали до него романтики: семью, быт, размолвки, ссоры, горе, обиды. Как точно он говорит о чувствах молодого человека при встрече со светской красавицей в стихотворении «Застенчивость»:

*Ах ты страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеёт нас красавица модная,
Вкруг неё увиваются львы:
Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду, как потерянный,
И ударится в пятки душа!
На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова...*
(«Застенчивость»)

Не эти ли чувства испытывал поэт, будучи в гостях у известного в ту пору литератора Ивана Панаева? Когда в залу вошла нарядная, эффектная брюнетка — хозяйка дома — и Панаев представил Авдотью Яковлевну, Некрасов как-то весь сразу стушевался и то и дело машинально тербил едва пробивавшиеся усы. Он — неловкий, болезненного вида 22-летний начинающий литератор, сочинявший часто ради заработка. Авдотья — «одна из самых красивых женщин Петербурга», по воспоминаниям графа Соллогуба; «красавица, каких не очень много», как отзывался о ней Чернышевский. Это была «женщина с очень выразительной красотой», по словам знаменитого француза Александра Дюма. Ослепительная, артистичная, приветливая, великодушная, мудрая — не по летам! Настоящая красавица, с матовой кожей и чарующими глазами вмиг завладела сердцем поэта. Она покорила Некрасова сразу и навсегда.

Неизвестно ещё, чем были бы знаменитые литературные некрасовские обеды и не пошла ли бы вся русская литература и журналистика несколь-

ко иначе без их хозяйки! Большой знаток той эпохи К.И. Чуковский не без некоторого озорства заявил: «Кажется, если бы в иной понедельник вдруг обрушился в её гостиной потолок, вся русская литература погибла бы... Её гостиная, или, вернее, столовая, — двадцать лет была русским Олимпом...»

В 1846 г. супруги Панаевы в компании с Некрасовым проводили летние месяцы в своём имении в Казанской губернии. Здесь поэт детально обсудил с Панаевым план выкупа и совместного возрождения журнала «Современник». И здесь же окончательно сблизился с его женой — как и мечтал. Авдотья Яковлевна наконец ответила на чувство поэта:

*Счастливым день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Его я праздную в душе моей!*
(«Да, наша жизнь текла мятежно...»)

Сразу же обнаружилось много общего в их взглядах и вкусах. Многие отвечало собственным жизненным представлениям Панаевой, что-то напоминало о сходстве их судеб. Панаева была талантливой писательницей, автором многих повестей и рассказов. Печаталась она под псевдонимом «Н. Станицкий». В романе «Семейство Тальниковых», не утратившем интереса и для современных читателей, она резко критиковала тогдашнюю систему воспитания. Цензура роман запретила. О детских годах Панаевой поэт писал:

*...Не так же ль в юные лета
И над тобою тяготели
Забота, скорбь и нищета?
Ты под своим родимым кровом
Врагов озлобленных нашла
И в отчуждении суровом
Печально детство провела.
Ты в жизнь невесело вступила...
Ценой страданья и борьбы,
Ценой кровавых слёз купила
Ты каждый шаг свой у судьбы...*
(«Зачем насмешливо ревнуешь...»)

Не эта ли общность нелёгкого прошлого и, может быть, поиск взаимного облегчения привели её и Некрасова друг к другу? Позднее, в стихах 1855 г., поэт даже назвал её своей второй Музой: стихи эти, правда, при их жизни не печатались:

*Зачем насмешливо ревнуешь,
Зачем, быть может, негодуешь,
Что Музу тёмную мою
Я прославляю и пою?
Не знаю я тесней союза,
Сходней желаний и страстей
С тобой, моя вторая Муза,
У Музы юности моей!*
(«Зачем насмешливо ревнуешь...»)